

Тайлер Колби КИРК¹
Любовь Анатольевна МАКСИМОВА²

УДК 947

ВОЗВРАТИВШИЕСЯ ИЗ ГУЛАГА: ПАМЯТЬ, ИСТОРИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ*

¹ докторант исторического факультета,
Университет Штата Аризоны, США
Tckirk1@asu.edu

² кандидат исторических наук, доцент,
директор института истории и права,
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина
iip@syktsu.ru

Аннотация

На примере Коми АССР, территории, которая являлась местом концентрации исправительно-трудовых лагерей в сталинский период, авторы, анализируя воспоминания, письма, обращения бывших узников ГУЛАГа, рассматривают вопросы памяти, идентичности, показывают, как бывшие заключенные представляют свое пребывание в лагерях ГУЛАГа. По мнению авторов, работа с источниками личного происхождения является важным направлением в исторических исследованиях, поскольку они дают возможность обратить внимание на чувства и переживания рядовых участников событий, позволяют узнать об особенностях адаптации в гражданское общество возвращенцев из ГУЛАГа. Поднят вопрос о самоидентификации бывших узников: считали ли они себя советскими людьми? Как они воспринимали социум после освобождения? Как социум принимал их? Анализ личных документов позволяет выявить долгосрочные последствия ГУЛАГа в жизни тех, кто испытал все тяготы сталинского режима. Подчеркнуто, что память каждого отдельного человека может стать источником истории и влияет на формирование

* Работа выполнена при поддержке РФФИ — Проект №17-11-11002.

Цитирование: Кирк Т. К. Возвратившиеся из ГУЛАГа: память, история, идентичность / Т. К. Кирк, Л. А. Максимова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 4. С. 173-183.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-173-183

исторической памяти. В статье отмечено, что анализ документов личного происхождения позволяет утверждать, что независимо от места проживания после освобождения из лагерей на территории Коми все возвращенцы, чьи документы были привлечены к исследованию, участвовали в создании сообщества бывших заключенных, которое формировалось через литературу, поэзию, искусство, мемуары.

Ключевые слова

ГУЛАГ, история, память, Коми АССР, адаптация, идентичность.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-173-183

ГУЛАГ был фактором, оказавшим большое влияние на формирование советского общества посредством внутренней колонизации, создания тяжелой промышленности, строительства социальной инфраструктуры, организации научных исследований в отдаленных местностях, эксплуатации огромных природных богатств Советского Союза. Эта тема достаточно хорошо представлена как в отечественной, так и в зарубежной литературе [1, 2, 7, 11, 21]. Однако долгосрочные последствия ГУЛАГа для советского общества нельзя определять только его вкладом в урбанизацию и индустриальную модернизацию страны. Более важным, на наш взгляд, является его влияние на человеческую жизнь, на демографические процессы, на трансформацию идентичности людей, на изменение социокультурных установок человека, на литературу, поэзию, искусство, а также на формирование коллективной памяти о политических репрессиях. За последние годы исследователи, занимающиеся историей Советского Союза, в своих трудах обосновывали взгляды о ментальности советского человека как обусловленной заданной идеологией [17, 20, 1 и др.]. Всеобщая вера в социализм подкреплялась соответствующей организацией повседневной жизни. Ш. Фицпатрик говорит даже о создании для человека того периода — «Homo Sovieticus» — среды обитания, которая характеризуется «такими явлениями: господство коммунистической партии, марксистско-ленинская идеология, бюрократия, культы вождей, социальное строительство, преследование „классовых врагов“, полицейский надзор и террор» [20, с. 9]. Представляется важным сосредоточить внимание на изучении субъектности и идентичности бывших заключенных, влияние которых на советское общество особенно проявилось после массового освобождения из лагерей в 1950-е гг. Данное исследование проведено на материалах одного из северных регионов европейского северо-востока бывшего СССР — Коми АССР.

Коми Автономная Советская Социалистическая Республика была одним из типичных примеров советского способа создания нового общества, особенно в контексте истории политических репрессий и использования ГУЛАГа для достижения данной цели. С 1933 по 1963 г. волны насильственной миграции привели к тому, что исправительно-трудовые лагеря, колонии и спецпоселения усеяли территорию Коми, превратив регион из отдаленной, провинциальной моноэтнической области в составе Российской Советской Федеративной Со-

циалистической Республики в многонациональную автономную республику с новыми моногородами. Воспоминания бывших заключенных, которые отбывали свой срок в лагерях Коми АССР — одном из первых и самых густонаселенных островов архипелага ГУЛАГ, — обеспечивают доступ к социальному опыту сотен тысяч заключенных, содержащихся в лагерях; а еще десятки тысяч были сосланы сюда на спецпоселения. По подсчетам историков, в 1932 г. на территории Коми насчитывалось приблизительно 9 000 заключенных, в 1938 г. — 79 000, в 1941 г. — около 260 000, в 1950 г. — 225 000 [10, с. 14-17]. Кроме того, на территорию Коми АО было сослано более чем 100 000 раскулаченных крестьян и представителей депортированных народов, расселенных в спецпоселках [16, с. 3-4]. Это были люди различных национальностей, пола и социального положения.

Авторы предприняли попытку выяснить самоидентификацию освобожденных из лагеря. Как повлияло пребывание в лагере на их самосознание, кем они себя ощущали? Кем считало их общество в их представлении? Как отразились лагерь и тюрьма на их личности? Очевидно, что бывшие заключенные задумывались о своем месте в обществе, о том, как оно их воспринимает. Эти размышления породили множество воспоминаний и писем бывших узников ГУЛАГа. Документы, изученные авторами в архивах и библиотеках Республики Коми, позволяют понять, как их контакт с государством в тюрьмах, трудовых лагерях, само изгнание из гражданского общества оказали влияние на формирование их личности не только в постсталинский период, но и в течение первых двух десятилетий после распада Советского Союза.

Большинство воспоминаний, написанных бывшими заключенными, сосредоточено на трудностях в лагере, чтобы подчеркнуть тот факт, что, несмотря на тяжелые испытания, они «остались людьми» [3, 14, 15]. Л. П. Маркизов, уезжавший после освобождения из воркутинского лагеря, приводит слова начальника спецчасти Потьмы: «При тех характеристиках, которые в ваших делах, вам безусловно разрешат ехать, куда вы хотите. По таким характеристикам не освобождают, а дают ордена» [12, с. 154]. Самоощущение возвращенцев как невиновных, но трудолюбивых, страдающих, создает контраст при противопоставлении с другой частью лагерного населения, которую они считали преступниками. Эти мысли явно прослеживаются в воспоминаниях Л. С. Сафронова «Дорога во мраке без надежды на просвет» [4. Оп. 1. Д. 40. Л. 33], М. Г. Липилина «Быль из жизни Коми Земли 1929-1954 гг.» [4. Оп. 1. Д. 18. Л. 50], Л. М. Городина «Рассказы, воспоминания» [4. Оп. 1. Д. 16. Л. 57], хранящихся в машинописном виде в фондах Национального архива Республики Коми.

Эти размышления о сохранении их человечности и достоинства несмотря на несправедливое лишение свободы и тяжелые условия пребывания в лагере особенно интересны в сравнении с риторикой задач ГУЛАГа о возвращении так называемых «социально опасных элементов» обратно в советское общество с помощью исправительных работ и «перевоспитания», о чем лагерная администрация постоянно заявляла в своих докладах и лагерных многотиражках. В каждом исправительно-трудовом лагере был создан политотдел, который нес

ответственность за перевоспитание заключенных. Этот процесс включал в себя организацию профессиональных, политических и общеобразовательных занятий, предназначенных для подготовки заключенных к жизни после освобождения из лагеря. Лагерные многотиражки, распространяемые среди заключенных и сотрудников лагеря, формировали образ идеального советского человека, публиковали истории благополучной жизни освободившихся из лагеря людей, успешно использовавших на свободе профессиональные знания, полученные в лагере [5, 6 и др.].

Во многих воспоминаниях, написанных бывшими узниками, выражено чувство отчуждения от советского общества. Даже в тех редких случаях, когда субъект не считает себя чужим в существующем обществе, его повествование свидетельствует о формировании специфической уникальной общности из бывших заключенных, отличающейся от тех, которые существуют в социуме. Причем это характерно для всех авторов изученных мемуаров и писем, независимо от того, в каком лагере в Коми они отбывали срок. Все это не является свидетельством успешности «перевоспитания в лагере», даже если бывшие заключенные успешно трудоустроились после освобождения. Ситуацию отчужденности подтверждают высказывания бывших узников о том, что на работе им следовало демонстрировать свое усердие, показывать, что они в ряду передовиков производства.

Как официальный дискурс власти — «реабилитация через труд» — влиял на жизнь бывших заключенных после освобождения? Наш ответ таков: бывшие заключенные научились работать больше и лучше своих сограждан, чтобы показать, что они тоже являются советскими людьми и приносят пользу обществу [8, 13].

Воспоминания о ГУЛАГе подтверждают важность изучения памяти и языка. Каждое воспоминание, написанное возвращенцем из ГУЛАГа, — попытка задокументировать свой социальный опыт, сохранить его на бумаге, в том числе и для того, чтобы будущие поколения когда-нибудь смогли узнать правду об истории их жизни, чтобы их личные страдания не были напрасными [18]. Конечно, в первую очередь воспоминания о себе писали для своей семьи. Вместе с тем каждый автор стремился показать испытания, через которые он прошел и все-таки выжил, которые продолжали влиять на его представление о себе, а также для того, чтобы не случилось исторического забвения событий этого сложного времени.

Одним из ярких примеров этого типа источников является «Словарь русских арготизмов», созданный Леонидом Моисеевичем Городиным [4. Оп. 1. Д. 17. Л. 170]. Его словарь составлен на основе своего собственного опыта пребывания в различных исправительно-трудовых лагерях на территории Коми АССР, особенно Ухтпечлага и Воркутлага. Кроме того, текст данного источника свидетельствует о знании автором широкого спектра литературы, посвященной истории русских и советских тюрем, колоний, каторги и ГУЛАГа. Вместе с тем словарь является гораздо большим, чем справочник для тех, кто не знаком с

миром ГУЛАГа. Сам автор оценивает его как «музей для друзей», поскольку термины в словаре даются в сопровождении «текстовых выставок», своего рода кратких зарисовок из воспоминаний. Л. М. Городин создавал этот словарь после освобождения из ГУЛАГа [4. Оп. 1. Д. 17. Л. 0]. Автор надеется, что ГУЛАГ — это место, которое читатели, его друзья, не могут посетить никогда, и «выставки» в его музее дают возможность познакомиться с опытом учреждения, через которое прошли миллионы людей. Цель составителя словаря и создания выставок заключалась в том, чтобы воспоминания о конкретных событиях представить в историческом контексте. Автор надеялся, что это будет способствовать лучшему пониманию событий.

Письмо Л. М. Городину от редактора словаря В. Ф. Житникова свидетельствует о важности этой работы как источника, который сохраняет историю и культуру ГУЛАГа. Житников увидел значимость проекта в качестве источника о жизненном опыте репрессированных: «Словарь /любой/, а в особенности словарь какой-либо конкретной эпохи, отражающий живую жизнь [...] с годами становится все ценнее и ценнее!» [4. Оп. 1. Д. 17. Л. 133]. Житников отметил, что словарь представляет собой «серый мир своего типа, своего рода духовный космос. Словарь „русский жаргон“ — это тоже космос, уникальный мир языка „неприкасаемых“, который является частью общества, которое его создало» [4. Оп. 1. Д. 17. Л. 133]. В этом смысле словарь Л. М. Городина представляет собой Розеттский камень, расшифровывающий мир ГУЛАГа, о котором многие из советских людей только смутно догадывались.

Л. М. Городин критически относился к использованию принудительного труда как методу перевоспитания. Хотя в воспоминаниях бывших заключенных проявляется похожий скептицизм, в их произведениях присутствуют различные дискурсы о перевоспитании в лагере. Например, Л. М. Городин приводит несколько терминов, которые демонстрируют сложный статус «перевоспитанных», бывших заключенных. Так, термин «намордник» означает ограничения для бывшего заключенного в выборе места жительства [4. Оп. 1. Д. 17. Л. 22]. Городин, как и другие бывшие заключенные, пишет о советском паспортном режиме, который ограничивал передвижение возвращенцев из ГУЛАГа. Он пишет: «...они дали мне паспорт с температурой». То есть в паспорте было отмечено, что он выдан на основании статьи 38 (чаще статьи 39) «Положения о паспортах», которая ограничивала проживание в столицах республик, в областных центрах, городах областного подчинения и закрытых городах [4. Оп. 1. Д. 17. Л. 22]. Заключенные создали для описания их положения в сложившейся ситуации собственный язык, который к тому же являлся важным средством неформального определения себя. Например, выражение «он был членом нашего профсоюза» означало, что он бывший заключенный. Эти языковые указатели, созданные заключенными в лагерях, указывают на длительное влияние времени, проведенного в лагере, на освободившихся и являются ценными свидетельствами этой истории.

Вслед за XX съездом КПСС выражение «поздняя реабилитация» означало «возрождение» или «обновление» среди заключенных и освободившихся, сво-

его рода «ренессанс» по аналогии с художественным смыслом. Слово «поздний» у Л. М. Городина в то время вызывало следующие настроения: «кислая, острая и горькая смесь иронии, потому что многие все еще не „возрождались“, то есть не реабилитировались» [4. Оп. 1. Д. 17. Л. 23]. Темы реабилитации и возрождения часто проявляются в воспоминаниях возвращенцев, так как для многих реабилитация была признанием невиновности, что облегчало условия ограничения, которые мешали бывшим заключенным совершать плавный переход к свободе и жить обычной жизнью после «перековки» в ГУЛАГе [3. Оп.1. Д.40. Л. 33; 4. Оп.1. Д. 18. Л. 50; 4. Оп. 1. Д. 16. Л. 57]. Даже после распада Советского Союза реабилитация оставалась целью, к которой стремились некоторые бывшие заключенные и родственники «жертв политических репрессий». Причем не только за льготы, которые они получили в результате этого статуса, но, что наиболее важно, — из-за официального признания того, что они были обижены государством и все же сумели выжить и остаться уважаемыми людьми.

По мере расширения действия политики гласности в русле перестройки, появления возможности проведения открытых дискуссий о прошлом, возвратившиеся из ГУЛАГа стали активно обращаться в новообразованное общество «Мемориал» в Сыктывкаре. Письма, написанные в годы перестройки и в ранние постсоветские годы, содержат просьбы об оперативном решении вопроса об их реабилитации и получении статуса реабилитированного как «жертвы политических репрессий» [4. Оп. 1. Д. 12]. Говоря о «беспорядках», имевших место в стране после распада Советского Союза, выживший после ГУЛАГа Л. С. Сафронов с тревогой отправил свое воспоминание в сыктывкарский Мемориал, заметив, что «Сталинисты становятся все более смелыми и набирают силу» [19; 3. Оп.1 д. 40. Л. 1]. Обращения, написанные в этот период, отражают сомнения бывших заключенных в том, что они должны написать и насколько подробными должны быть их повествования. Для многих их письмо в «Мемориал» было впервые рассказанной историей своей жизни во время заключения, о которой они никогда ни с кем не говорили [4. Оп. 1. Д. 56; 3. Оп. 1. Д. 38]. Их многолетнее молчание было результатом страха, боязни того, что после многих лет освобождения они могут быть осуждены вновь за разговор о лагере (этот страх был устойчив особенно потому, что многие во время освобождения были вынуждены подписать договор, в котором обязались не распространять информацию о лагерях). Кроме того, многие из обратившихся в «Мемориал» в это время не были уверены в том, что государство и общество искренне заботятся об их оправдании, подспудно предполагая, что их история мало кому интересна [8, 9]. Руководству сыктывкарского «Мемориала» приходилось неоднократно в ответ на обращения высказывать просьбы предоставить более подробную информацию для уточнения времени пребывания в лагере, для определения точного места заключения. Эти письма-обращения сыграли важную роль в написании истории освоения северных территорий, истории ГУЛАГа в регионе.

Эти письма также отражают процесс формирования термина «жертва политических репрессий», дают собирательный образ этой жертвы и формируют представление о масштабе присутствия бывших заключенных в составе населения Республики Коми. С конца 1980-х — начала 1990-х гг., как свидетельствуют письма бывших заключенных, термин «жертва политических репрессий» становится общеупотребляемым. Бывшие узники глубоко и публично размышляют о своем опыте и месте в обществе. Действительно, все, кто обратился в Мемориал с целью реабилитации, конечно, хотели получить льготы. Они имели на это право по «Закону о реабилитации жертв политических репрессий». Но анализ обращений дает основание утверждать, что еще в большей степени они хотели быть оправданными. Более важным для них было публичное восстановление их невиновности и достоинства [12; 4. Оп. 1. Д. 102. Л. 29; 4. Оп. 1. Д. 12].

Анализ официальных источников из государственных архивов формирует неоднозначный взгляд на процесс, методы и результат «перевоспитания» узников ГУЛАГа. Воспоминания, письма, словари и другие текстовые источники личного происхождения предлагают более субъективный и личный взгляд на мир бывших заключенных ГУЛАГа, позволяют нам изучать их личность, память и переживания, их личный опыт адаптации в обществе после освобождения. Как источники они имеют решающее значение для понимания жизни тех, кто строил города и дороги, создавал промыслы и шахты на Крайнем Севере и в других регионах, разбросанных по обширному трансконтинентальному ландшафту СССР. Благодаря внимательному изучению этих источников мы можем услышать голоса, связанные с историческими пейзажами больших строек, осуществленных изгнанными и заключенными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баренберг А. ГУЛАГовский город, моногород: Принудительный труд и его последствия во Воркуте / А. Баренберг. Нью Гавен: Яэлское университетское изд-во, 2014. 331 с.
2. Барнс С. Смерть и искупление: ГУЛАГ и формирование советского общества / С. Барнс. Принстонское университетское изд-во, 2011. 368 с.
3. Войтоловская А. Л. По следам судьбы моего поколения / А. Л. Войтоловская. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1991. 334 с.
4. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Ф. П-3800.
5. За образцовую службу. Орган политотдела Печорского ИТЛ. (№ не указан). 29.06.1957.
6. Заполярная кочегарка. Орган политического отдела Воркутинского ИТЛ. № 19. 12.02.1953.
7. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г. М. Иванова. М.: Наука, 2006.
8. Интервью Т. К. Кирка с Н. А. Морозовым 07.02.2017.
9. Интервью Т. К. Кирка с М. Б. Рогачевым 03.03.2017.

10. Максимова Л. А. Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа / Л. А. Максимова. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 24 с.
11. Максимова Л. А. ГУЛАГ как фактор модернизации на Европейском Северо-Востоке / Л. А. Максимова, Л. В. Лямцева. М.: МГОУ, 2011.
12. Маркизов К. «Я хочу умереть реабилитированной» / К. Маркизов. Вечерний Сыктывкар. 1992. 22 февраля.
13. Маркизов Л. П. До и после 1945 года. Глазами очевидца / Л. П. Маркизов. Сыктывкар: Покаяние, 2003. 208 с.
14. Петкевич Т. Жизнь — сапожок непарный. Воспоминания / Т. В. Петкевич. СПб.: Астра-Люкс: АТОКСО, 1993. 502 с.
15. Печальная пристань. Сборник воспоминаний. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1991. 416 с.
16. Политические репрессии в Коми крае. Библиографический указатель / сост. Е. П. Березина, И. Р. Казаринова, И. Г. Жукова. Сыктывкар: Покаяние, 2006.
17. Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2001. 254 с.
18. Текущий архив Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние». М. Д. Байгальский, «Тетради для внуков». М.: 1976. [Машинопись].
19. Текущий архив Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние». Письмо от Л. С. Сафронова к М. Б. Рогачеву от 20.08.1993.
20. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; пер. с англ. Л. Ю. Пангина. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 336 с.
21. Экономика принудительного труда: Советский ГУЛАГ / сост. П. Грегори, В. Лазарев. Стэнфорд, Калифорния: Изд-во Говерского института, 2003. 212 с.

Tyler C. KIRK¹

Liubov A. MAKSIMOVA²

GULAG RETURNEES: MEMORY, HISTORY, IDENTITY*

¹ Doctoral Candidate in History,
Arizona State University, USA
Tckirk1@asu.edu

² Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor,
Director of Institute of History and Law,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
iip@syktsu.ru

Abstract

On the example of the Komi ASSR — the territory, where the forced labor camps were concentrated during Stalin's period — the authors analyze memoirs (records), letters, and diaries of former GULAG prisoners; they examine questions of memory and identity; and they show how former prisoners described their life in the GULAG camps. According to the authors, working with the sources of personal origin is an important trend in historical research, since they give an opportunity to draw attention to the feelings and experiences of the ordinary participants of the events, allowing to learn about the specifics of the adaptation to the civil society of returnees from the Gulag. The question of self-identification of former prisoners was raised: did they consider themselves to be Soviet people? How did they perceive the society after their liberation? How did the society see them?

The analysis of personal documents makes it possible to identify the long-term consequences of the GULAG in the lives of those who have experienced all the hardships of the Stalin's regime. The authors emphasize that each individual's records can become a source of history and it can influence the shaping of historical memory. This article notes that the analysis of documents of personal origin allows to conclude that regardless the place of prior residence, after the liberation from the camps in the Komi territory, all returnees, whose documents

* The research was sponsored by the Russian Foundation for Basic Research project no 17-11-11002.

Citation: Kirk T. C., Maksimova L. A. 2017. "GULAG Returnees: Memory, History, Identity". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 4, pp. 173-183. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-173-183

were observed in this research, participated in establishing a community of former prisoners that was formed through literature, poetry, art, and memoirs.

Keywords

GULAG, history, memory, Komi ASSR, adaptation, identity.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-173-183

REFERENCES

1. Barenberg A. 2014. GULAGovskiy gorod, monogorod: Prinuditel'nyy trud i ego posledstviya vo Vorkute [GULAG Town, Company Town: Forced-Labor and its Legacy in Vorkuta]. New Haven: Yale University Press.
2. Barnes S. 2011. Smert' i iskuplenie: GULAG i formirovanie sovetskogo obshchestva [Death and Redemption: The GULAG and the Shaping of Soviet Society]. Princeton: Princeton University Press, 368 pages.
3. Voitolovskaya A. L. 1991. Po sledam sud'by moego pokoleniia [In the Footsteps of the Fate of My Generation]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
4. State institution of the Republic of Komi "Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi" [National Archives of the Republic of Komi]. F. P-3800.
5. Organ politotdela Pechorskogo ITL [Organ of the Political Department of Pechora Corrective-Labor Camp]. 1957. Za obraztsovuiu sluzhbu [For Exemplary Service], no not indicated, 29 June.
6. Organ politicheskogo otdela Vorkutinskogo ITL [Organ of the Political Department of the Vorkuta Corrective-Labor Camp]. 1953. Zapoliarnaia kochegarka [The Polar Stokehold], no 19, 12 February.
7. Ivanova G. M. 2006. Istoriiia GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoy aspekty [History of the GULAG, 1918-1958: Socio-Economic and Political-Legal Aspects]. Moscow: Nauka.
8. Kirk T. C., Morozov N. A. 2017. Interv'iu T. K. Kirka s N. A. Morozovym 07.02.2017 [N. A. Morozov's Interview with T. C. Kirk, 7 February 2017]. Syktyvkar.
9. Kirk T. C., Rogachev M. B. 2017. Interv'iu T. K. Kirka s M. B. Rogachevym 03.03.2017 [M. B. Rogachev's Interview with T. C. Kirk, 3 March 2017]. Syktyvkar.
10. Maksimova L. A. 2005. Lagernaia industrializatsiia v Komi: opyt analiza [Camp Industrialization in Komi: The Experience of Analysis]. Syktyvkar: Izdatel'stvo SyktGU.
11. Maksimova L. A., Liamtseva L. V. 2011. GULAG kak faktor modernizatsii na Evropeiskom Severo-Vostoke [GULAG as a Factor of Modernization in the European North-East]. Moscow: MGOU.
12. Markizov K. 1992. "Ja khochu umeret' reabilitirovannoi" ["I Want to Die Rehabilitated"]. Vechernii Syktyvkar, 22 February.
13. Markizov L. P. 2003. Do i posle 1945 goda. Glazami ochevidtza [Before and after 1945. Eyewitness]. Syktyvkar: Pokaianie.
14. Petkevich T. 1993. Zhizn' — sapozhok neparnyi. Vospominaniia [Life Is an Unpaired Boot. Memories]. St. Petersburg: Astra-Liuks: ATOKSO.

15. Komi knizhnoye izdatel'stvo. 1991. Pechal'naia pristan'. Sbornik vospominanii [Sad Pier. Collection of Memoirs]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo.
16. Berezina E. P., Kazarinova I. R., Zhukova I. G. (eds.). 2006. Politicheskie repressii v Komi krae. Bibliograficheskii ukazatel' [Political Repression in the Komi Region. Bibliographic Index]. Syktyvkar: Pokaianie.
17. Izd-vo StavGU. 2001. Problemy povsednevnosti v istorii: obraz zhizni, soznanie i metodologiiia izucheniia [Problems of Everyday Life in History: Way of life, Consciousness and Methodology of Study]. Stavropol: Izd-vo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta.
18. Baital'skii M. D. 1976. "Tetrady dlia vnukov" [Notebooks for Grandchildren]. Current archive of the Komi Republic charitable public fund of victims of political repressions "Pokaianie" [Repentance]. Moscow.
19. Safronov L. S. 1993. "Pis'mo ot L. S. Safronova k M. B. Rogachevu ot 20.08.1993" [Letter from L. S. Safronova to M. B. Rogachev, 20 August 1993]. Current archive of the Komi Republic charitable public fund of victims of political repressions "Pokaianie" [Repentance]. Moscow.
20. Fitzpatrick Sh. 2008. Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-ye gody: gorod [Everyday Stalinism: A Social History of Soviet Russia in the 1930s]. translated from English by L. Iu. Pantina. 2nd edition. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN).
21. Gregory P., Lazarev V. (eds.). 2003. The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag. Stanford, CA: Hoover Institution Pres.